

Творческая лаборатория
Международной литературной конференции
по вопросам фантастики «Роскон»
представляет

Лилия Ким

Мифы и легенды

Лилия Ким

Мифы и легенды

«ИП Березина Г.Н.»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6

Ким Л.

Мифы и легенды / Л. Ким — «ИП Березина Г.Н.», 2019

ISBN 978-5-907042-89-6

В сборнике Лилии Ким представлено поэтическое творчество разных лет. Первую часть составляют стихотворения и поэмы на мифологические и исторические темы. Легким, музыкальным стихом, неповторимым и самобытным стилем, Лилия Ким пересказывает греческие мифы, старинные предания, эпизоды русской и мировой истории, привнося в известные истории самобытный колорит. Благодаря ярким деталям, которые домысливает поэт, легенды оживают и становятся ближе. А информативные комментарии не только помогают лучше понять прочитанное, но и побуждают продолжить знакомство с историей и мифологией. Вторая часть книги – лирические стихотворения Лилии Ким. О любви, о жизни, о времени – обо всем, что волнует, радует и печалит. Если первая часть демонстрирует выдающийся ум поэта, то вторая – чувствительную и отзывчивую душу.

УДК 821.161.1

ББК 84(2)6

ISBN 978-5-907042-89-6

© Ким Л., 2019

© ИП Березина Г.Н., 2019

Содержание

Часть 1	7
1. Лавровый куст	7
2. Василёк	8
3. Миф о Ниобе	9
4. Картошка, солнце и склероз	11
5. Морская сказка	13
6. Виноградник	17
7. Гладиатор	18
8. Пифия и Крёз	19
9. Орлеанской деве	21
10. Пигмалион и Галатея	22
11. Пробуждение	24
12. Знакомому гному	25
13. Вечер и ночь	26
14. Зимняя шутка	27
15. Сизиф	28
16. Пандора	30
17. Персей	33
18. Прометей	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Лилия Ким

Мифы и легенды

© Лилия Ким, 2019

© Интернациональный Союз писателей, 2019

Я, Ким Лилия Николаевна, родилась 08.11.1933 г. на ст. Б.-Невер Читинской области. Окончила школу с золотой медалью в 1950 г. в г. Зырянске Казахской ССР, затем в 1959 г. с отличием Ленинградский Институт Точной Механики и Оптики.

Училась я на вновь созданном по указанию Хрущёва радиотехническом факультете с повышенной на 100 рублей стипендией, и поскольку училась хорошо, то получала стипендию, повышенную ещё на 100 рублей, и подрабатывала на кафедре радиотехники на полставки (350 р.). Тогда космонавтике уделяли усиленное внимание, и я была хорошо обеспечена материально.

Окончив институт, была направлена в г. Ижевск, где и проработала в Особом КБ Мото-завода руководителем группы разработки наземных комплексов до 1990 г. С 2001 по 2011 была директором ООО по кабельному обогреву «САНДИ». С 2011 г. на пенсии. Дочь (после окончания МГУ) и внук живут и работают в Москве.

Стихи пишу с юности, на портале «Стихи. ру» с 2013 г., в РСП принята в 2014 г. Печатаюсь в российском журнале «Луч». В ижевском издательском ИП вышло 8 моих сборников стихов и поэм небольшим тиражом (60–65 экз.) для родных и друзей. Регулярно печатаюсь в сборниках «Стихи», издаваемых порталом «Стихи. ру».

Ким Лилия Николаевна 20.03.2018 г.

Часть 1

Мифы и легенды

1. Лавровый куст

Эрот обожал с Афродитой родство,
Был сыном ей резвым и смелым,
Тревожил опасным своим баловством,
Пуская любовные стрелы.

 Те стрелы разили людей и богов,
 Неся им то взлёт, то печали.
 Любовь обретала пристанище, кров,
 А жертвы покоя не знали.

Вот раз пошутил Аполлон: «Не пойдёт!
Ты плохо стреляешь – с уклоном!»
«Не так уж и плохо», – подумал Эрот,
Пуская стрелу... в Аполлона.

 И только стрела издала тихий звон,
 Влив в сердце волшебную лимфу,
 Помчался в любовном пылу Аполлон
 За Дафной, за юною нимфой.

А Дафна, от бега устав наконец,
Когда уже день был на склоне,
Взмолилась владыке речному: «Отец,
Избавь же меня от погони!»

 Родитель, чтоб дочери честь сохранить,
 Решил справедливо и строго:
 В куст лавра он Дафну успел превратить,
 Спасая от страстного бога.

Безмолвно стоял Аполлон у куста,
Смириться не мог с превращеньем.
Он Дафной пленён был, одною из ста,
А куст – разве повод для мщенья?

 С тех пор за столетием следует век,
 Мы мифы и сказки меняем,
 Но лучших в борьбе за стремительный бег
 Лавровым венком отмечаем!

2. Василёк

Жила в деревне бедная вдова,
А с нею синеглазый сын Василий.
Красив и статен. Повзрослел едва,
Его к труду родные приучили.
Работал в поле, не жалея сил,
Среди колосьев ржи кипело дело,
А к вечеру на речку приходил,
Чтоб на закате смыть усталость с тела.

Полюбоваться небом был готов:
Пылал закат, то розовый, то алый.
А из прибрежных ивовых кустов
За пареньком русалка наблюдала.
Стал Василёк подводной деве люб.
Заговорила с ним она не сразу,
Но наконец слова слетели с губ:
«Пойдём со мною, парень синеглазый!

Ты полюби меня, доверься мне,
Тебе вручу подводные богатства,
Мы будем жить в прохладной глубине
Среди моей родни, морского братства!»

Но парень против таких смотрин:
«Родное поле мне раздольней, шире.
Не греют сердце тьма морских глубин
И обречённость жить в подводном мире!»

Такой ответ у девы вызвал шок,
Разгневалась русалка не на шутку,
Простого парня в полевой цветок
Преобразила заклинаньем жутким.
С тех пор воды немало утекло.
Среди колосьев памятью о чуде
Те синие цветы – русалки зло,
Их васильками называют люди.

3. Миф о Ниобе

Семь сынов у фиванской царицы и семь дочерей.
Дочь Тантала, Ниоба, гордится судьбою особой.
Дали боги ей счастье, богатство, прекрасных детей,
Но к богам благодарности мало в душе у Ниобы.

Рано утром жрецы объявили всем жителям Фив,
Чтобы жертвы Латоне представили пред алтарями,
Восхваляя её, восторгаться детьми не забыв,
Артемидой, златым Аполлоном – её близнецами.

Все фиванки с дарами послушно направились в храм,
Их покорные лбы украшали лавровые ветки.
Свои робкие просьбы они устремляли к богам,
Чтобы счастливы были бы сами, а также их детки.

И одна лишь Ниоба отвергла призывы жрецов,
Своим счастьем горда, проявила вдруг спесь дочь Тантала:
«Многодетная мать, чем я хуже, в конце-то концов?» —
На алтарь для Латоны нести свои жертвы не стала.

Услыхала Латона потоки презрительных слов,
На совет призвала Аполлона и дочь Артемиду:
«К смертным детям она приравняла бессмертных богов,
Неужели вы сможете вытерпеть эту обиду?»

Брат с сестрою стремглав мчались к Фивам, таясь в облаках,
Золочёные стрелы зловеще гремели в колчанах.
Вот два сына Ниобы летят на горячих конях
По пустынной тропе, окружённой кустами бурьяна.

Громко вскрикнул один, покачнулся в седле и упал:
Грудь пронзила ему золотая стрела Аполлона.
А второй, попытавшись укрыться в тени среди скал,
Всё же в спину стрелу получил на скаку неуклонно.

Двух других сыновей, поглощённых спортивной борьбой,
Вдруг настигла стрела, на обоих одной им хватило.
Поспешил на подмогу к ним брат – в сердце острой стрелой
Он сражён наповал Аполлона безжалостной силой.

Ранен в правую ногу шестой из семи сыновей,
Хочет вырвать стрелу, но вонзается в горло другая.
К небу руки вздымает последний сын – Илионей:
«Олимпийские боги, пощады прошу, умоляю!»

Аполлон слышит просьбу. Но поздно: звенит тетива
И стрела в повороте от цели не примет участия.
Царь мечом сам пронзил себе грудь, слух донёсся едва,
Что его сыновья пали жертвой богам в одночасье.

Над телами погибших рыдает Ниоба, скорбя.
Не о милости просит – наполнена речь её ядом:
«О Латона жестокая! Я победила тебя,
У меня всё же больше детей даже с первого взгляда!»

Только голос замолк – тетива зазвенела сильней,
Лук подняв золотой, выпускает шесть стрел Артемида.
Шесть прекрасных царевен, совсем ещё юных детей,
Сразу жизнью лишились – жестокая месть за обиду!

Лишь седьмая в безмолвном смятении кинулась прочь
И укрылась у матери в складках широкого платья.
«О Латона, молю я: оставь мне хоть младшую дочь!
И тогда буду вечно молитвой тебя прославлять я!»

Но богиня не слышит. Звенит Артемиды стрела
И летит прямо в сердце последнего чада царицы.
Цепенеет от горя Ниоба. Вершатся дела,
О которых нам, смертным, порой даже сон не приснится!

Безразлично, бесчувственно тело Ниобы к ветрам,
Ни кровинки в лице. Слезы скорби из глаз льются сами.
Буйный вихрь перенёс её в Лидию. Родина там.
На Сипиле-горе вдаль глядит, обращённая в камень.

4. Картошка, солнце и склероз

(По притче С. Савицкой)

В подполье, в старом доме
Жила-была Картошка.
Покоилась в истоме
Без света, без окошка.
 Но вот пора настала:
 Весна была в пути,
 Картошка осознала,
 Что ей пора расти.
Она протёрла глазки,
Подумала немножко,
Помедлила с опаской —
И выпустила ножки.
 Прозрачные и бледные,
 Они тянулись вверх,
 Воображали, бедные,
 Что белый свет померк.
А в доме на комод
Мохнатый жил Склероз.
Людей не трогал вроде,
Но доводил до слёз.
 Когда по доброй воле
 Им что-то было нужно
 В комод или в подполье —
 Он жмурился натужно:
Пришедшие едва ли
Опомниться могли
И сразу забывали,
Зачем они пришли,
 А брали без разбора
 Что под руку придётся.
 Склероз же этот скоро
 Околдовал и Солнце.
Оно с того момента
Врывалось в дом – и с ходу
Всё шарило зачем-то
По старому комоду,
 Ища на всякий случай,
 Но напрочь цель забыв,
 Скрывалось вновь за тучи,
 Чтоб вспомнить свой порыв.
Пробила пол Картошка,
И с каждым днём виднее
В ней прорастали ножки,

Ветвась и зеленея.
Вот Солнце утром рано
Проникло в старый дом.
Вид показался странным:
Пол в зелени кругом...
«Ах, батюшки!» – вскричало
Светило, вспомнив срок,
И людям показало
Пробившийся росток.
Все вспомнили о сроках,
Картошку извлекли,
В полях своих широких
Посадку провели.
Склероз же над конфузом
Так долго хохотал,
Своим мохнатым пузом
Чуть на пол не упал!

5. Морская сказка

I

Пылает алая заря,
Шумят морские дали,
Но в царстве грозного царя
Повсюду тень печали.
 У Нептуна болеет дочь,
 Прекрасная русалка,
 Никто не может ей помочь,
 Хотя до боли жалко.
Болезни странной нет причин,
Лекарства неизвестны
Ни в темноте морских глубин,
Ни в закоулках бездны.
 Бессильно всё: микстур приём,
 Режимы и диеты,
 И иссякают день за днём
 Надежда и советы.
Скорбит в отчаяньи отец —
Сам бог морских просторов —
И прерывает наконец
Пустые разговоры.
 Тверды слова, как монолит,
 Решенье непреклонно:
 «Тому, кто дочку исцелит,
 Её отдам я в жёны!
И, если жребий изберёт
Не бога – человека,
Пусть кончится мой славный род,
Расстанусь с ней навеки!
 Забудет дочка навсегда
 Русалок хороводы,
 Проявятся в ней (вот беда!)
 Черты людской породы.
Нелёгкую разлуку с ней
Скреплю я царским словом,
Лишь дочка – свет моих очей —
Была бы вновь здоровой.
 Других забот сегодня нет.
 Подводный мир воспрянет,
 И управлять им много лет
 Мой разум не устанет».

II

С трудом, неся ракушек воз,
Из дальней богадельни
К покою царскому приполз
Премудрый рак-отшельник.
 «О царь! Хвала тебе и честь!
 Прошу: не хмурься гневно.
 В древнейших книгах запись есть,
 Как излечить царевну.
Не хирургическим путём,
Не с помощью наркоза,
Доступен лишь один приём —
Приём метаморфозы.

Вели художника искать,
Умельца в этой сфере,
Чтоб мог портрет нарисовать
В изысканной манере.
И как он дочь изобразит,
Как на неё он взглянет,
Какой придаст ей внешний вид —
Такой она и станет.

Зато исчезнут хвори вдруг,
Поправится принцесса,
Пройдя всех изменений круг,
В конце того процесса.

Но берегись и не спеши
При выборе умельца,
Хотя все средства хороши,
Куда от горя деться!

Ведь может этот имярек
Изобразить такое,
Что не узнаешь ты вовек
Дитя своё родное!

Вот если осьминога вдруг
Портрет писать попросим,
Красы не жди: не будет рук,
А ножек будет восемь.

Добром советую тебе
По предпочтениям века
Поверить ветреной судьбе

И выбрать человека!»

III

Художник спал на берегу
По зову вольных правил.
Посол-дельфин под моря гул
Его к дворцу доставил.

Был мастер лёгок на подъём:
С заказчиком не споря,
Наметил мелом и углём
Портрет царевны моря.

Ему талант недаром дан,
Фантазий много тоже.
В мечтах увидел лёгкий стан
И пару стройных ножек.

Готов заказанный портрет!
Но что с царевной стало?
Хвоста уже в помине нет
Под лёгким покрывалом,

Всё тело, кисти тонких рук
Не скрыты чешуёю.
Русалочка исчезла вдруг,
Став девушкой земною!

Дивится весь подводный мир,
Нептун расцвёл улыбкой,
Увидев дочку – свой кумир —
Живой, здоровой, гибкой!

Обняв царевну, говорит:
«Ты выглядишь отменно,
Хоть непривычен новый вид,
На пользу перемена!

Вот избавитель – твой жених,
Уйдёшь ты с ним на землю,
Где люди вас, ещё двоих,
Для жизни той приемлют.

И, если век для вас вдвойне
От счастья будет ярок,
Надеюсь, принесёте мне

Наследника в подарок.

Пройдёт пора родильных мук
И юность после детства —
Морское царство примет внук
От бабушки в наследство!

6. Виноградник

Трудолюбив, старателен был Ной,
Всех добрых дел зачинщик и рассадник.
Решил он близ обители земной
На пустыре возделать виноградник.

Лишь первую лозу он закопал,
Как Сатана узрел его старанья,
Проситься к Ною в компаньоны стал,
И согласился Ной для назиданья.

В пылу усердия Сатана добыл
Овечку, Льва, Свинью и Обезьяну
И кровью их всю землю оросил,
Хоть Ною показалось это странным.

Был общий труд вознаграждён сполна:
Разросся виноградник пышным цветом.
Но каждый человек, хлебнув вина,
Все свойства тварей обретал при этом.

Вначале был он кроток, как Овца,
Потом, как Лев, с соседями сражался,
Как Обезьяна, корчил вид лица
И в грязной луже, как Свинья, валялся.

Мораль: не доверяйся Сатане!
Исподтишка он замышляет козни.
Пока ты ищешь истину в вине,
Придёт пора для сожалений поздних!

7. Гладиатор

Всё новые богатства Риму
Для процветания нужны.
Его войска непобедимы,
Враги – на смерть осуждены.

А если им досталась доля
Войти в финал батальных сцен,
То хуже смерти та неволя
Среди недобрых римских стен.

От унижительного плена
И от отчаянья потерь
Одна дорога – на арену:
Ты – гладиатор, дикий зверь!

Толпа до зрелища охоча:
Насилие, жестокость, бой!
Она ревёт, свистит, хохочет,
Вершит твою игру с судьбой.

Сражён противник мощным взмахом,
Но замер меч в руке твоей:
В глазах у жертвы – море страха,
А вопль толпы: «Убей, убей!»

Твоя душа скорбит, мятежна.
Как обречённого сберечь?
Нет выбора. Смерть неизбежна.
И в сердце ты вонзаешь меч!

Но, как кошмар, всё повторится,
Придёт и твой последний бой —
Неумолимая десница
Меч остановит над тобой.

И в это длинное мгновенье
Мелькнёт перед глазами дом,
Семьи далёкое виденье,
Туман над маленьким прудом...

Чтоб видом смерти насладиться,
«Убей!» – опять толпа вскричит.
Свой меч безжалостный убийца
Твоею кровью обагрит.

8. Пифия и Крѐз

Был город в Древней Греции, и жители его
Не ведали ни крепости, ни войска своего.
Для их защиты шёл народ окрестных городов,
Так устранялись все невзгоды испокон веков.

Тот город Дельфы неспроста известен всюду стал:
В нём мудрых истин сто из ста оракул предрекал
И каждый из несущих в храм богатые дары
Все тайны о грядущем мог проведать до поры.

Была одна особенность оракула из Дельф:
Вещал он женским голосом, как легкокрылый эльф,
Тогда как предсказатели иные, как один,
Звучали обязательно лишь голосом мужчин.

Богач и царь, известный Крѐз, хитѐр был и умѐн:
Проверку для провидцев внѐс в общенье с ними он.
Послал, преодолев мигрень, гонцов во все края
С вопросом: «Ровно в сотый день что буду делать я?»

А сам на сотый день в дому огонь разжечь велел,
Свою задумку никому открыть не захотел
И в медном с крышкою котле без робости и страха
Варить поставил на огне ягнѐнка с черепахой.

Тирану весть принесена: «Дух черепахи чую.
С ягнѐнком варится она, презрев судьбу иную.
Медь наверху, внизу, кругом их в середине скрыла».
Крѐз изумился: «Может, в том даров богатых сила?»

Теперь он точно мог узнать по воле Провиденья,
Где можно силу применять с успехом без сомненья.
Идти ли к Персии с войной, переходить ли Галис¹,
Чтоб все трофеи битвы той ему легко достались.

Ответ от пифии гласил: «Крѐз, перейдя чрез Галис,
Разрушит царство». Царь решил – войска в поход
собрались.
Но помнит Персия о том, что за рекой – угроза,
И сокрушительный разгром вдруг терпит войско
Крѐза.

«В чём дело, почему обман? Вы, боги, объясните!» —

¹ Галис – река, разделяющая царство Крѐза и Персию.

Взывает к пифии тиран, рассерженный правитель.
Гнев облегченья не даёт. И вот: «Обмана нет.
Разрушил царство ты СВОЁ», – такой пришёл ответ.

9. Орлеанской деве

Скажи, давно ли это было?
Чтоб снять осаду с Орлеана,
Своей отвагою и пылом
Ты вдохновляла войско, Жанна.

Сквозь яростный огонь той битвы,
Сквозь кровь, и дым, и гул сраженья
Услышал Бог твои молитвы
И подтвердил предназначенье.

Вся Франция гордилась, Жанна,
Твоими ратными делами.
На коронации тирана
Держала ты над Карлом знамя.

И что же? Вот твой жребий, Жанна:
Стоять не в латах и с мечом —
В плену у англичан, в Руане,
Пред инквизиторским судом.

Повинна. Колдовство и ересь —
Таков вердикт в конце пути.
Ты вынесла все муки, через
Которые пришлось пройти.

Костёр закончил муки эти,
Ты вознеслась в огонь и дым,
А через пять глухих столетий
Была причислена к святым.

10. Пигмалион и Галатея

Был статен, пригож, не лишён обаянья
Царь Кипра по имени Пигмалион.
К тому ж, обладая искусством ваянья,
Как скульптор на родине славился он.
Однажды, слоновую кость вырезая,
Создать чудо-деву ему удалось.
С божественным ликом она как живая
Предстала под пышной волною волос.
Царь этой красой любовался воочью,
Прекрасного стана касаясь едва.
И солнечным днём, и с лампадами – ночью
Он деве шептал нежной страсти слова.
Когда же настал светлый день Афродиты,
Он в храм ей богатые жертвы принёс,
Моля об одном: «Моё сердце разбито.
Дай в жёны мне эту виновницу грёз!»
Богиня любви снизошла к нему, зная,
Насколько был искренним Пигмалион.
В её алтаре, верный суд подтверждая,
Три раза огонь был до неба взметён.
К дворцу юный скульптор спешит в колеснице.
Без усталости трудятся солнца лучи:
Лик статуи лёгким теплом золотится —
С надеждою царское сердце стучит.
Уж слышно дыхание – как в колыбели,
Весь облик её излучает покой.
Открылись глаза. На царя посмотрели,
Блеснув ослепительной голубизной.
Так блещет лишь море, волною ласкаясь.
Живою красавицей царь покорён.
Народ весь ликует, на площадь стекаясь,
Богиню любви славит радостно он.
А девушке имя дано – Галатея,
Короною царской покрыта глава.
От низких поклонов и почестей млея,
Идёт, ощутив свою сущность едва.
—
О чём нам поведало это преданье?
Всегда вдохновляйтесь заветной мечтой!
Ведь силой любви и большого желанья
Бездушный предмет станет плотью живой!
С другой стороны, бойтесь просьбы беспечной!
Ведь может случиться – придётся просить,
Почувствовав бремя любви быстротечной,
Вновь в камень рождённую жизнь превратить!

11. Пробуждение

Зимний сон стряхнув весною разом,
Осторожно ветки шелестят.
В каждой почке эльф зеленоглазый
Примеряет праздничный наряд.

Мальшу в своей темнице тесно.
Пусть снаружи не растаял снег,
Но призывно, звонко и чудесно
Там поёт природа о весне.

О тепле, о небесах лазурных,
Обо всём, что на свободе ждёт...
Не жалея крылышек ажурных,
Эльф готов отправиться в полёт.

И, томимый жаждою познания,
Ожиданьем счастья окрылён,
Жизнь свою потоку мироздания
Как подарок преподносит он.

12. Знакомому гному

Расскажи мне, мой гном, чем был занят сегодня весь день?
Сколько новых чудесных открытий ты сделал в лесу?
И покрылся ли мхом полусгнивший таинственный пенёк,
Чтобы скрыть от случайных гостей той полянки красу?

Знаешь, с прошлого лета, с тех пор как ты стал мне знаком,
Мне так дорог твой пыл незатейливых летних хлопот:
То устроить жука под упавшим кленовым листком,
То пчеле показать тот цветок, где душистее мёд.

Признаюсь, я так искренне дружбой твоей дорожу,
Так близки мы по духу беспечностью и добротой!
Я тебе к холодам колпачок непременно свяжу,
Пару варежек ярких и шарф иссиня-голубой.

Покидая порою свою колдовскую страну,
Навещай меня чаще, подолгу не пропадай.
Ну а если и я ненароком к тебе загляну,
То лесной земляницей и мёдом меня угощай!

13. Вечер и ночь

(в ответ на «Вечер во фраке» А. Сальникофф)

Недолго ждал Осенний Вечер
Свою красавицу в тиши.
Увы, не состоялась встреча,
Уйти неверный поспешил.

А Ночь, прелестна статью нежной,
Вся обаянием полна,
Спускалась плавно и небрежно
К Земле, как к берегу волна.

Увидеться ещё не поздно —
Ты, Вечер, чуточку постой!
Всё кружево мантильи в звёздах,
А гребень – месяц молодой.

Но слишком уж красотка властна:
Всё покорила мраком, тьмой...
И Вечер в сумрак безопасный
Нырнул во фраке с головой!

14. Зимняя шутка

Увлечение повальное
Шло весь год:
С головой ушёл в вязание
Женский род.
 Вяжут платья, кофты, варежки —
 К ряду ряд.
 Вяжут мамы, дочки, бабушки —
 Все подряд.
Удивляется Метелица
С высоты:
Шерсть в клубках повсюду стелется,
Как цветы.
 Тут сварливую сомнения
 Стали брать:
 Может, мне для развлечения
 Повязать?
Пряжа лёгкая да чистая,
Просто клад!
Замелькали спицы быстрые —
Дни летят.
 Вот сплела вещицу первую,
 И не зря:
 В белом свитере мохеровом
 Вся земля.
Тут вошла во вкус Метелица:
Решено!
И характер мой изменится
Заодно.
 Дед Мороз немало пережил
 Бурь и выюг,
 Хоть в душе, конечно, верю же:
 Он мой друг.
Ссоры я от делать нечего
Завожу,
Лучше старому в три вечера
Шарф свяжу.
 Занялась старушка нитками —
 Лишь взгляни,
 Как безветренными, тихими
 Стали дни.
И не слышно предсказания
Сильных выюг,
Ведь Метелице с вязанием
Недосуг!

15. Сизиф

(По прозаическому переводу Н. А. Куна)

У буйного бога ветров, озорного Эола,
Был сын, основатель Коринфа, коварный Сизиф.
Немало богатств накопил он, владея престолом,
Свою изворотливость, хитрость в делах применив.

И не было в Греции равных ему по коварству,
Несметных сокровищ в казне не охватывал взгляд.
Но время настало – и вот из Аидова царства
Явился зловещий и мрачный бог смерти Танат.

Сизиф же, почуяв момент приближения смерти,
Почёт и достоинство встрече с Танатом придал:
Обманом и лестью (хоть верьте тому иль не верьте)
Завлѣк в подземелье и в цепи его заковал.

Ликует Земля: дни бессмертия вдруг наступили,
Не стало роскошных и пышных больших похорон,
И жертвы подземным богам приносить не спешили.
Нарушил Сизиф установленный Зевсом закон.

Разгневавшись, Зевс, чтоб с Землёй разрядить
обстановку,
Шлѣт срочно Ареса, могучего бога войны.
Арес выручает Таната из плена так ловко,
Что даже войска оказались ему не нужны.

Теперь-то Танат мог владеть непокорной душою,
Исторгнув, вести её в скорбное царство теней.
Но хитрый Сизиф, сговорившись тихонько с женою,
Вновь способ находит для встречи с душою своей.

Жене он шепнул: «Не спеши с погребением тела
И даже не думай о жертвах подземным богам!»
Охотно супруга всё выполнить точно сумела —
Дары не послала к Летейской реки берегам.

Аид с Персефоной всё ждут эти жертвы с обидой,
И праведный гнев их являет насупленный вид.
Вот тут-то Сизиф приближается к трону Аида
И тоном смиренным владыке теней говорит:

«Великий Аид! Твою власть безусловно приемлю,
Могуществом равен ты Зевсу в величье своём!

Дозволь ненадолго вернуться на светлую землю,
С женой мы богатые жертвы тебе принесём!

А после я в царство твоё возвращусь непременно,
Не будет проблем, чтоб меня из покоев извлечь!»
Так лживый Сизиф произнёс монолог вдохновенно,
И грозный Аид отозвался на льстивую речь.

Вернувшись домой, не на шутку Сизиф возгордился,
Что в царстве теней из всех смертных сумел уцелеть.
И в пышном дворце от души пировал, веселился,
Желая в довольстве и неге побольше успеть.

Столь наглым обманом Аид возмущён до предела,
И снова Танат был отправлен на землю гонцом.
Повторно от брэнного тела душа отлетела —
Закончилось дело Сизифа бесславным концом.

Несладко царю вероломному в жизни загробной:
За все те обманы, что он на веку совершил,
Сизиф осуждён в гору вкатывать камень огромный,
По тяжести сверх всех возможностей мускульных сил.

Гора высока и крута. Грешник в изнеможены,
Пот градом струится с него от бесплодных трудов.
Всё ближе вершина горы, и нужно лишь мгновенье,
Чтоб смог искупить он весь груз совершённых грехов.

Но нет! Вырывается снова из рук его камень
И в облаке пыли, гремя, устремляется вниз.
Покорен Сизиф. Так несёт он глухими веками
Тяжёлую кару – богов олимпийских каприз.

16. Пандора

(По прозаическому переводу Н. А. Куна)

Когда Прометей² из сочувствия к людям
Снабдил их божественным даром – огнём,
От холода, мрака спасительным чудом —
Надолго жива была память о нём.

Но Зевс не терпел самовольные трюки,
Так просто строптивому всё не прошло:
Зевс вверг Прометея в жестокие муки,
А людям на землю замыслилось Зло.

Для выбранной цели умельцу Гефесту³
Приказано времени зря не терять,
Из смеси земли и воды, как из теста,
Прелестную девушку быстро создать.

Должна была вы ткать, очей не смыкая,
Афина Паллада⁴ бесценный наряд,
Любимая дочь, Афродита⁵ золотая, —
Придать этой деве чарующий взгляд,

Чтоб видом божественным, голосом нежным
Она без труда покоряла мужчин,
Чтоб прелестью, взглядом её безмятежным
Пленялись бы юноши все, как один.

А юный Гермес⁶ должен был обеспечить
Её изворотливость, хитрость и ум,
Вложить ей в уста ложь и льстивые речи,
Скрывая значение истинных дум.

Все боги, задание выполнив споро,
Творенье своё оживили в момент
И, дав справедливое имя ПАНДОРА⁷,
Успешно закончили эксперимент.

А Зевсом поручено было Гермесу

² Прометей – титан, подаривший человечеству небесный огонь.

³ Гефест – бог огня, покровитель кузнечного мастерства.

⁴ Афина Паллада – дочь Зевса, богиня войны и победы.

⁵ Афродита – дочь Зевса, богиня любви и красоты.

⁶ Гермес – сын Зевса, бог торговли, покровитель путников.

⁷ Пандора – наделённая всеми дарами.

На Землю Пандору нести без затей,
Где в скуке, без жизненного интереса
Жил брат прометеевский, Эпиметей.

Царило в душе Прометея сомненье,
Что Зевс затевает игру неспроста,
Он брату внушал от опасности бденье:
Беду на земле совершит красота.

Но брат так увлёкся красою Пандоры,
Что он пренебрёг мудрой братской мольбой,
Не захотел продолжать разговоры,
Красавицу сделал своею женой.

Но вскоре пришлось и ему убедиться,
Как много несчастий, неожиданного зла
Коварная, лживая, злая девица
Всем людям на землю с собой принесла!

У Эпиметея в одной из всех комнат
Хранился огромный тяжёлый сосуд,
И, как оказалось, никто и не помнил,
Что в этот сосуд на хранение берут.

Лишь было известно, и вряд ли кто спорил,
Что, если сосуд ненароком открыть,
Грозит это бедами, страхом и горем
И людям страданий тогда не избыть.

Ту тайну узнать – для Пандоры отрада,
Тихонько приблизившись, крышку сняла —
Тотчас разлетелись всех бед мириады,
Заполнили землю лихие дела,

Что с давних времён в заточеньи томились,
Под плотную крышкою были в плену.
Лишь только Надежда чуть-чуть припозднилась,
Осталась, приткнувшись к широкому дну.

И крышка захлопнулась намертво снова.
Так Зевс пожелал, завершая дела.
Ему не хватило единого слова,
Чтоб плена лишиться Надежда смогла.

Не только земля, но и бурное море
Наполнилось бедами, массой проблем.
Неслышно приходят болезни и горе:
Они лишены дара речи совсем.

Всё Зло нас внезапно подстерегает,
С болезнями спорить – не хватит всех сил.
«Предупреждайте!» – рассудок взывает...
Напрасно! Немыми их Зевс сотворил!

17. Персей

(По прозаическому переводу Н. А. Куна)

Нередко оракул даёт на вопросы
Ответ неожиданный и непростой.
Вот правит Акрисий, царь славный, в Аргосе,
Имеет он дочь красоты неземной.
И что же оракул ему предрекает?
«Сын дочери гибель тебе принесёт».
Решает Акрисий, судьбы избегая,
Построить подземный спасительный грот.
В том гроте, в покоях из камня и бронзы,
В такой глубине, что не видно и дна,
Зимою и летом, в жару и морозы
Даная, дочь царская, заточена.
Но Зевсу всеильному грот – не помеха,
Данаей давно уже он восхищён.
Проник к ней дождём золотым для утехи,
Своею женою её сделал он.
В делах и в любви время мчится быстрее,
И вот уже мальчик явился на свет.
Прелестного сына назвали Персеем,
По силе, уму ему равного нет.
Однажды Акрисий, о внуке не зная
И жизни своей не предвидя помех,
Случайно услышал в покоях Данаи
Весёлый и звонкий мальчишеский смех.
И оттого, что он был так испуган
Предвестием будущего своего,
Был ящик большой для несчастных оструган
И заколочены оба в него.
А ящик был выброшен в бурное море,
Он долго носился по воле морской,
Мать с сыном терпели лишения и горе,
Не ждали спасенья от гибели злой.
Но вот наконец своенравные волны
Пригнали тот ящик на остров Сериф.
И Диктис-рыбак, удивления полный,
Чуть чувств не лишился, находку открыв.
Отвёл он Данаю (он жил небогато)
И сына прекрасного, словно цветок,
К царю Полидекту, что был его братом,
На острове властвуя, как только мог.
При царском дворе вырос статным и стройным,
И не было юноши краше, сильней,
Чем гордый и смелый сын пары достойной —

Данаи и Зевса – прекрасный Персей.
Задумав насильно взять в жёны Данаю,
Злой царь Полидект только случая ждёт.
Персей же коварные замыслы знает,
Тирану в обиду он мать не даёт.
Разгневался царь от досадной обузы,
И, чтобы Персея со света изжить,
Он голову страшной горгоны Медузы
Велит ему в краткие сроки добыть.
«Немеркнувшей славы ты можешь достигнуть,
И если действительно Зевс – твой отец,
То в битве с Горгоной не даст он погибнуть
И к сыну на помощь придёт наконец».

Спокойно Персей Полидекту ответил:
«С главою Медузы вернись, не забудь».
На западный край направленье наметил,
С рассветом пустился в далёкий свой путь.
На западном крае Земли, где царили
Богинею – Ночь, богом смерти – Танат,
В стране той горгоны ужасные жили,
Свой край превращая в чудовищный ад.
Покрыты тела их надёжной завесой —
Блестящей и крепкой, как сталь, чешуёй.
Её разрубить может лишь меч Гермеса,
Направленный мощной и смелой рукой.
У чудищ – громадные медные руки,
Огромные когти – источник угроз,
И в трепет приводят шипящие звуки
От змей, что колышутся вместо волос.

Всегда кровожадно алая губами,
На крыльях сверкающих, глядя вперёд
Горящими яростной злобой глазами,
Они совершают свой страшный полёт.
И горе тому (будет жив он едва ли),
Кто ими замечен впервые иль вновь.
В куски человека они разрывали
И пили горячую свежую кровь.

По воле Олимпа, не самочинно,
Примчались, чтоб в битве Персею помочь,
Гермес и воительница Афина,
Властителя Зевса любимая дочь.
Свой меч предлагает Гермес быстроногий,
Афина – блестящий, как зеркало, щит.
Не мнят допустить всемогущие боги,
Чтоб сын громовержца был кем-то убит.

Поход свой нелёгкий Персей продолжает
В долину, где старые грайи живут.
Друг другу для зрения передавая,
Всего один глаз на троих берегут.

Персей в темноте к ним подкрался, и сразу
Рывком, у старух вызывая испуг,
В момент передачи бесценного глаза
Он вырвал его из слабеющих рук.
Несчастные граии зывают к Персею
И, чтобы единственный глаз не терять,
По просьбе его, заикаясь и рдея,
Дорогу к горгонам спешат указать.
Теперь-то уверен Персей в направленьи,
Но прежде протянутся долгие дни.
Так к нимфам приводит его Провиденье,
Три ценных подарка вручают они.
Один – шлем волшебный, старинный, глубокий,
Невидимым делает тело и лик.
Другой же – сандалии с крыльями сбоку,
Доносят до цели по воздуху вмиг.
А третий – то сумка, в которую можно
Вложить всё что хочешь, неважен размер.
В сандалиях, в шлеме Персей осторожно
Летит под прикрытием принятых мер.
Вот остров чернеет средь пенного моря.
Уверен Персей: это остров горгон.
По воздуху мчится всё ниже – и вскоре
Трёх спящих горгон на скале видит он.
Раскинуты мощные медные руки,
И змеи чуть-чуть шевелятся во сне.
Персей отвернулся. Ведь камнем без звука
При взгляде на них может стать он вполне.
Горгоны в щите отразились зеркальном.
Которая может Медузою быть?
Одна лишь подвержена смерти фатальной.
Другие бессмертны. Нельзя их убить.
Гермес появился с тревогой во взоре:
«Скорее, Персей, направляй остріе!
Прикончи Медузу, ту, крайнюю к морю,
Но помни завет: не смотри на неё!
Не медли. Меч поднят рукою бесстрашной,
Спеши, пока сёстры медузины спят.
И будь осторожен. Под действием страшным
Сгубить тебя может один только взгляд».
Персей, как орёл, к жертве ринулся смело,
Зеркальным щитом направляя удар.
Шипящие змеи, почуяв, в чём дело,
Клубком завились в ужасающий шар.
Медуза глаза уже чуть приоткрыла,
Но взвился карающий огненный меч,
Направила в цель его грозная сила,
И голову смог он Медузе отсечь.
Кровь хлынула вмиг, а с потоками крови

До неба вдруг взвился крылатый Пегас.
Чудесную сумку Персей приготовил
И страшную голову спрятал тотчас.
Над островом злобная ярость клубится,
И гнева горгонам не скрыть своего:
Умчался бесследно сестры их убийца,
На острове, в воздухе нет никого.
Шумит несмолкаемо бурное море,
Несётся над ним победивший Персей.
А кровь, что из сумки накапала, вскоре
В ливийских песках превращается в змей.
От змей ядовитых кровь в ужасе стынет,
Бежит всё живое, спасаясь от них.
И Ливия вдруг превратилась в пустыню,
Лишившись всех жителей прежних своих.
Всё дальше несётся Персей, всё быстрее,
Летит мимо разных диковинных стран.
И вот достигает он царства Кефея,
Его омывает седой Океан.
Немало эмоций в полёте изведав,
Он чудо узрел на кефейской земле:
Прекрасную царскую дочь Андромеду,
Прикованную кандалами к скале.
Вину своей матери, Кассиопеи,
Должна искупить она, в горе скорбя,
Ведь та, красотой возгордившись своею,
Прекрасней всех нимф посчитала себя.
А нимфы решили просить Посейдона
Кефея с женою за спесь наказать.
Послал Посейдон к ним морского дракона
Кефеево царство опустошать.
К оракулу срочно Кефей обратился,
Не зная, чем можно народу помочь.
Оракул ответил: «Ты, царь, провинился
И должен дракону отдать свою дочь».
Заставил народ приковать Андромеду,
Чтоб чудище страшное уgomонить.
На бедную деву свалились все беды,
И слёзы из глаз стали струями лить.
Стан мраморной статуи снега белее
С восторгом увидел наш юный герой.
Могучее чувство любви у Персея
Рождалось на сердце огромной волной.
Спустившись на берег, он с лаской во взоре
Прекрасную девушку стал вопрошать,
За что же такое случилось с ней горе,
Кто в этом повинен и где её мать.
Неблизок конец у истории длинной.
Пока Андромеда поведала часть

Своих злоключений, разверзлась пучина
И в ней показалась огромная пасть.
Родители в горе и страхе рыдали.
Решился Персей: «Если б вы свою дочь,
Поклявшись богами, мне в жёны отдали,
Я мог бы прогнать это чудище прочь».
Кефей Андромеду ему обещает,
В приданое царство своё отдаёт.
А чудище, грудью волну рассекая,
Всё ближе и ближе к несчастным плывёт.
Персей, словно птица, над морем взлетает,
Чтоб тенью своей перед чудищем лечь.
Чудовище злобно на тень нападает,
Вонзает Персей в его спину свой меч.
Почувствовал в теле смертельную рану,
Но яростно бьётся озлобленный враг,
Вертясь, защищаясь, подобно кабану,
В лесу окружённому сворой собак.
Персей же наносит удар за ударом,
От шлема устала его голова,
Спешит он покончить с драконом недаром,
Сандалии мокрые держат едва.
Тогда он к ближайшей скале подлетает
И, обхватив её левой рукой,
В грудь чудища трижды меч острый вонзает.
Повержен противник. Закончился бой.
Народ весь ликует. Здесь нет безучастных,
Все славят героя – рыбак и купец.
Оковы снимают с девицы прекрасной,
Счастливец невесту ведёт во дворец.
Богатые жертвы Гермесу, Афине
Приносит Персей за победу свою.
Тревог и опасностей нет и в помине,
Блаженство и радость царят, как в раю.
Столы под роскошными яствами гнутся,
Вовсю разгорается свадебный пир,
И песни на всех площадях раздаются
Под звуки кифар и божественных лир.
Но вот среди радостных добрых эмоций
Вдруг слышен стального оружия звон,
Воинственный клич вслед за тем раздаётся,
Звучит диссонансом всей музыке он.
Такой поворот предназначен судьбою.
То первый жених Андромеды – Финей.
Привёл он огромное войско с собою,
Войной добиваясь невесты своей.
Персею вскричал он, копьём потрясая:
«О, горе тебе, похититель невест!
На битву смертельную я вызываю,

Как первый жених заявляя протест!»
Кефей тут вступился: «Помог бы вчера ты!
За трусость свою ты наказан сполна.
Невесты лишился – здесь нет виноватых,
Персеем от смерти она спасена».
Финей же и слушать его не желает.
Он в гневе, уже не владея собой,
В Персея копье боевое бросает —
И бой закипает, неистовый бой!
С Олимпа Афина на помощь примчалась,
Прикрыла героя эгидой своей.
И ринулся в бой (что ж ему оставалось?),
Мечом потрясая, отважный Персей.
Огнём разгорается бой рукопашный,
Как молния, блещет тот меч всё быстрее,
Без счёта разит он противников страшных,
Которых привёл за собою Финей.
Но войско огромно, не быстро редет,
К тому ж не слабеет в нём дух боевой.
Персей – чужеземец в владеньях Кефея,
Немного бойцов у него за спиной.
Прижавшись к колонне, держа щит Афины,
Бесстрашно и смело сражается он.
Но много врагов, и толпою единой
Они приближаются с разных сторон.
И громко воскликнул тогда сын Данаи:
«Я помощь найду у врага своего!
Кто друг мне – пусть быстро глаза закрывает
И взгляда не бросит сюда одного!»
Промолвив всё это, из сумки чудесной
Он голову страшной Медузы достал.
И каждый в толпе нападающих тесной
Немедленно каменной статуей стал.
При виде всеобщего окамененья
Финей объял нескончаемый страх.
Упав на колени, просил о прощеньи:
«Мой жребий в твоих милосердных руках!
Великий сын Зевса, молю о пощаде,
О, спрячь поскорее ужасный трофей!
Оставь мне лишь жизнь, мне другого не надо,
А всем остальным безраздельно владей!»
С насмешкой Персей: «Унижаться не надо,
Столь жалкого труса мой меч не сразит.
Готовлю тебе я другую награду:
Пусть вечно твой образ здесь в камне стоит».
И как ни старался Финей отвернуться,
Но взгляд на горгону Медузу упал.
Пришлось монументом ему обернуться,
Украшив дворцовый обеденный зал.

Недолго Персей пробыл в царстве Кефея,
С женой Андромедой вернулся в Сериф.
Данаю в борьбе с Полидектom жалея,
Спешил, притязаний его не забыв.
 А мать в храме Зевса искала защиту,
 Боясь хоть на миг этот храм покидать.
 Нашёл наш герой Полидекта со свитой,
 Готовых всегда во дворце пировать.
Что подвиг свершён – царь не верит Персею,
И свита его называет лжецом.
От гнева, который в груди пламенеет,
Персей вынимает ужасный фантом.
 «Смотрите же на доказательство сами!» —
 Герой восклицает, трофеей свой подняв.
 И гости, и царь – все застыли камнями,
 Подробностей подвига не разузнав.
Благополучно с женой и Данаей
Вернулся Персей в свой родимый Аргос.
Акрисий, оракула речь вспоминая,
К далёкому Северу ноги унёс.
 Шлем, сумка и пара крылатых сандалий
 Давно уже нимфам возвращены.
 Меч острый – Гермесу, и будут едва ли
 Такие дела ему вновь суждены.
Афина зеркальный свой щит получила
И голову (нет её в мире страшной).
Тотчас же на панцирь её прикрепила
Для устрашения живности всей.
 Персей ненадолго остался в Аргосе:
 Печальный произошёл эпизод.
 Такие судьба иногда преподносит,
 Когда ею избранный даже не ждёт.
Однажды на празднике шли состязанья.
Присутствовал дед (неоправдан был риск).
К тому ж у Персея ослабло вниманье,
До неба метнул он свой бронзовый диск.
 И падая, словно богов наказанье,
 Акрисию в голову диск тот попал.
 Персей ужаснулся: сбылось предсказанье,
 Невольным убийцею деда он стал.
Скорбя об убитом, лишившись покоя,
В Аргосе оставив дворец свой и трон,
Ушёл он в Тиринф. Это царство другое.
Там правил и долго, и счастливо он.

18. Прометей

(По трагедии Эсхила и изложению в прозе Н. А. Кюна)

Край Земли. Гребни волн у подножия скал.
Докричаться с мольбою – пустая затея.
Никогда и никто здесь ещё не бывал.
Слуги Зевса сюда привели Прометея.
 Слуги Зевса по имени Сила и Власть,
 Их тела словно высечены из гранита,
 Душам чужды любые волненья и страсть,
 Состраданию и жалости сердце закрыто.
А за ними – поникший главою Гефест.
Предстоит ему выполнить страшное дело,
Он скорбит, всей душой подавляя протест:
Зевс карает жестоко, не зная предела.
 Прометей – друг Гефеста, но Зевс дал приказ
 Приковать его цепью к скале отдалённой,
 И искусство своё проклиная сейчас
 Мастер, участью друга в душе потрясённый.
Молот бьёт по цепям, громом грохот звучит,
Сотрясаются скалы от тяжких ударов.
Но ещё остриём грудь пронзить предстоит,
Чтоб надёжней была бы исполнена кара.
 «О, мой друг Прометей! Как же сердце болит!
 И в глазах моих словно тумана завеса...»
 «Что ж ты медлишь? – так Сила Гефесту кричит. —
 Всё скорбишь о враге всемогущего Зевса?»
Вот уже всё закончено. Сила изрёк:
«Ну, теперь можешь быть сколько хочешь надменным.
Все дары, что для смертных людей приберёг,
Не помогут тебе в этом крае забвенном».
 Но в ответ ему гордо молчит Прометей.
 Слуги Зевса ушли, и Гефест с ними вместе.
 И теперь только море шумит всё сильней,
 Ветер воеет с тоской в этом проклятом месте.
Он один, Прометей. И тогда тяжкий стон
Из пронзённой груди вдруг исторгся бурливо.
Морю, Солнцу, Земле горько сетовал он
На все муки, что должен сносить терпеливо:
 «Буду я их терпеть ещё много веков,
 Как найти мне конец предстоящим страданиям?
 И за что же? За то, что дары от богов
 Я пожертвовал смертным для их выживания!
За свою доброту обречён я страдать
Тяжело, неизбежно и невыносимо.
Горе, горе мне! Мук этих не избежать,

И века их продления необозримы!»
Так взывал к состраданию опальный титан.
И как будто вдали всколыхнулось вдруг что-то:
Это с вестью отправил седой Океан
Своих лёгких гонцов из прохладного грота.
Вот домчалась, пока её вихрь не настиг,
По Зефиру, на лёгком его дуновеньи,
Колесница с океанидами вмиг
До скалы Прометея от отчих владений.
Этим океанидам он был не чужим,
Их отец, Океан, был отцу его братом.
Слыша молот Гефеста, встревожились им,
Прозвучал он зовущим тревожным набатом.
И при виде таких прометеевых мук
Слёзы заволокли их прекрасные очи,
А проклятья богам вызывали испуг
И стремленье домой с приближением ночи.
На вопрос: «Почему его бог наказал?» —
Рассказал Прометей, как в борьбе неустанной
С его помощью Зевс победителем стал,
Но всегда ненавидел могучих титанов.
А несчастных, ещё неразумных людей
Зевс хотел погубить, кинув в царство Аида,
Но священный огонь им принёс Прометей,
Вопреки предреканиям вещей Фемиды.
Страх расплаты отважного не удержал
От вручения людям бесценного дара.
Зевс божественным гневом к нему воспылал
И назначил свою беспощадную кару.
Девы с трепетом слушали этот рассказ.
На своей колеснице, цветами увитой,
Прибыл сам Океан, побеждавший не раз,
Уповая на мудрое слово защиты.
Он готов был тотчас на Олимп поспешить,
Чтобы Зевса молить о прощеньи титана,
Гнев, возможно, рискуя к себе возбудить
Повторением просьбы своей неустанным.
Но напрасен его уговоров поток,
Прометей отвергает слова Океана:
«Не проси за меня. Зевс упрям и жесток.
Я уверен, твои не исполнятся планы.
Безотрадная участь судьбой мне дана,
Избежать этих зол не поможет и чудо,
Всё, что выпало мне, исчерпаю до дна,
Ты же, друг, поспеши удалиться отсюда».
Океан ему грустно на это изрёк:
«Ты меня заставляешь вернуться обратно,
Не приняв мой совет, преподав мне урок,
Что с тобой я увиделся безрезультатно».

С болью в сердце старик в колеснице умчал.
Продолжал Прометей, что не только лишь пламя
Из Гефестова горна он тайно достал —
Много людям он отдал своими руками.
Обучил их наукам, искусству, письму,
Познакомил с металлами, их обработкой,
Усмирить же быка, предназначив ему
Все поля обрабатывать, было находкой.
Под его руководством крепчал род людской,
Приручил он коня, чтобы вёз колесницу,
И на первый корабль ставя парус льняной,
Любовался, как быстро по морю он мчится.
Но когда человек новых знаний достиг,
Громовержцу всё это пришлось не по нраву.
Как пресечь самовольство – вопрос не возник,
Зевс всегда прибегал к безусловному праву.
Но не вечно страдать будет в муках титан,
И могуществу Зевса придёт окончанье.
Прометей наделён величайшей из тайн,
И ничто не исторгнет из уст это знанье.
Вот подходит к концу Прометеев рассказ,
С изумлением океаниды внимают,
Силой духа его восхищаясь не раз,
Свои крылья на раны его простирают.
До глубин существа потрясает их рок,
И трепещут они пред великою тайной:
Чтобы всё предсказанье исполнилось в срок,
Зевс не должен об этом услышать случайно.
Вдруг стон скорби и боли до них долетел,
Вот всё ближе и громче, скалы достигая.
Это овод огромный за Ио летел,
Своё острое жало ей в тело вонзая.
Много Гера от Зевса терпела обид.
Превратил он прекрасную Ио в корову,
Чтобы скрыть от жены. А жена говорит:
«Белоснежный подарок принять я готова».
Зевс не смог отказать. И корову стеречь
Поручила стоокому Аргусу Гера.
Чтобы Ио тайком из неволи извлечь,
Зевс предпринял решительно крайние меры.
Вызвав сына Гермеса, ему он велел
Заточённую Ио вернуть на свободу.
В усыплении Аргуса сын преуспел,
Его меч всё привёл к роковому исходу.
Но помиловать Ио – то Гере невмочь,
Был чудовищный овод ей послан вдогонку,
Гнал он Ио по странам, кусал день и ночь,
Жалил, мучил несчастную ту коровёнку.
Без покоя, без отдыха, пищи и сна

В самых разных земных уголках побывала,
Всюду оводом страшным гонима она,
Раскалённым железом жжёт острое жало.
Наконец Крайний Север пред нею предстал.
Ио видит вблизи, от мучений слабея,
Тот утёс среди грозного моря и скал,
На котором Гефест приковал Прометея.
Перед вещим титаном взмолилась она,
Истомившись в скитаниях, громко стеная:
«Сколько тяжких мучений пройти я должна,
Где покой обрету, о страстях забывая?»
«О, поверь мне, – звучит Прометея ответ, —
Лучше было б не знать, что тебя ожидает.
Много стран ты пройдёшь, много вынесешь бед,
От которых надежда, увы, исчезает.
Через скифские горы дороги пройдут,
Через снежный Кавказ и страну амазонок,
И к проливу Босфор – так его назовут
В честь тебя, переплывшей его в ходе гонок.
Долго будешь по Азии в страхе блуждать,
Опасайся там встретить горгон или грифов,
Гор Библинских достигнешь, а с них низвергать
Будет девственный Нил воды сказок и мифов.
В той стране, орошает которую Нил,
Ты найдёшь наконец и покой, и забвенье.
Зевс вернёт прежний облик и даст много сил,
Там отметишь и сына Эпафа рождение.
Засияет твой сын над Египтом звездой
И положит начало тому поколению,
Из которого выйдет отважный герой,
Что оковы мои разобьёт без сомненья.
О пути твоём трудном поведала мне
Моя мать, прорицательница Фемида.
Так смирись же с грядущим, надейся вполне
На судьбу под божественной правой эгидой».
Громко Ио вскричала: «О, горе моё!
Рок безжалостный дал мне так много страданий!
Сердце стонет в груди, разрывая её,
Я безумья полна от ужасных терзаний!»
Снова бога речного несчастная дочь,
Понеслась Ио дальше. Страдания были
Так сильны, что терпеть их ей стало невмочь.
Скрылась Ио из глаз в сером облаке пыли.
Молчаливым сочувствием полон титан,
Но по лику его гнева тень пробежала,
И воскликнул он: «О всемогущий тиран,
Сколько зла ты свершил – но ещё тебе мало!
Ты сегодня велик, полон сил и могуч,
На Олимпе сидишь, громы-молнии мечешь,

На бескрайнее царство глядишь из-за туч,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.